

УДК 340.69
doi: 10.25724/VAMVD.A229

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ТЯЖКИХ, ОСОБО ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Александр Фомич Волынский*, **Виталий Николаевич Хрусталеv****

* Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, svetzhavoron@yandex.ru

** Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
Khrustaluov@yandex.ru

Аннотация. В статье научно-техническое обеспечение раскрытия и расследования тяжких, особо тяжких преступлений рассматривается через перспективу формирования единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства и в целом разработки научно-технической политики борьбы с преступностью, основы которых, по мнению авторов, заложены в организации экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности Следственного комитета Российской Федерации. Проанализированы причины несоответствия системы организации и правовой регламентации экспертно-криминалистической и судебно-экспертной видов деятельности уровню развития техники и задачам выявления, раскрытия и расследования особо опасных преступлений; обосновывается необходимость программно-целевого обеспечения разработки и внедрения в деятельность правоохранительных органов адекватных методов, средств и организационно-правовых форм их использования, а также коренной реорганизации всей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства с ориентацией на возможности современных достижений науки и техники и с учетом соответствующих им принципов.

Ключевые слова: Следственный комитет, специалист, эксперт, экспертно-криминалистическая деятельность, судебная экспертиза, тяжкие и особо тяжкие преступления, повышение квалификации, идеологическая кампания, безрезультатные дискуссии, система, научно-техническое обеспечение, судопроизводство

Для цитирования: Волынский А. Ф., Хрусталеv В. Н. Научно-техническое обеспечение раскрытия и расследования тяжких, особо тяжких преступлений // Судебная экспертиза. 2024. № 1 (77). С. 8–22. doi: 10.25724/VAMVD.A229

SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPORT FOR THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF SERIOUS, ESPECIALLY SERIOUS CRIMES

Alexander Fomich Volynsky*, **Vitaliy Nikolaevich Khrustalev****

* Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, svetzhavoron@yandex.ru

** Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia, Khrustaluov@yandex.ru

© Волынский А. Ф., Хрусталеv В. Н., 2024

Abstract. The article considers scientific and technical support for the disclosure and investigation of serious, especially serious crimes through the perspective of the formation of a unified state system of scientific and technical support for criminal proceedings and, in general, the development of scientific and technical policies to combat crime, the foundations of which, according to the authors, are laid in the organization of forensic and forensic activities of the Investigative Committee of the Russian Federation. The reasons for the inconsistency of the system of organization and legal regulation of forensic and forensic activities with the level of technology development and the tasks of identifying, disclosing and investigating particularly dangerous crimes are analyzed; the necessity of program-oriented support for the development and implementation of adequate methods, means and organizational and legal forms of their use in the activities of law enforcement agencies, as well as the need for a radical reorganization of the entire system of scientific and technical support for criminal proceedings, and with a focus on the possibilities of modern achievements of science and technology and taking into account the principles corresponding to them, is substantiated.

Keywords: investigative committee, specialist, expert, forensic activity, forensic examination, serious and especially serious crimes, professional development, ideological campaign, inconclusive discussions, system, scientific and technical support, judicial proceedings

For citation: Volynsky A. F., Khrystalev V. N. Scientific and technical support for the disclosure and investigation of serious, especially serious crimes. Forensic Examination, 8–22, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A229

Тяжкие и особо тяжкие преступления всегда были предметом исключительного внимания общества и государства, а соответственно, его правоохранительных органов. Однако в условиях формирования в нашей стране рыночных социально-экономических отношений начиная с конца 80-х гг. прошлого века такие преступления, в том числе совершаемые организованными преступными группами, приобрели массовый характер, реально угрожающий обществу и самому существованию государства. Достаточно сказать, что в России с середины 90-х гг. XX в. регистрировалось в год в два раза больше убийств, в том числе совершаемых по заказу, чем 10 лет назад. При этом, по данным криминологов, латентная преступность по отдельным видам преступлений в 15–20 раз превышала легальную [1].

В довершение всего преступность под влиянием политико-идеологизированных догм и «демократической вседозволенности» приобрела воинственно-агрессивный характер. Обыденным явлением стали террористические акты с массовой гибелью людей, формирование и длительное безнаказанное существование преступных групп и сообществ, нередко организованных на основе «сотрудничества» представителей зарождавшегося частного бизнеса (криминала), а порой и предателей от власти.

В этих условиях руководство страны принимает хотя и несколько запоздалое, но абсолютно необходимое решение о вычленении из структуры Генеральной прокуратуры РФ следственных подразделений и создании на их основе самостоятельного организационно обособленного ведомства – Следственного комитета (2011 г.) с возложением на него задач по раскрытию и расследованию прежде всего тяжких и особо опасных преступлений.

Успешное решение данных задач, что очевидно и на умозрительном уровне, практически невозможно без должного, на современном этапе организованного научно-технического обеспечения деятельности следователей. Пониманием этой, по сути дела, прописной истины, по нашему мнению, объясняется факт передачи в ведение вышеуказанного ведомства института прокуроров-криминалистов (создан в 1954 г.) и формирование на его основе криминалистической службы, основу которой составляют следователи-криминалисты.

В таком же контексте следует рассматривать факты положительного решения вопроса об организации при СК России (2019 г.) системы судебно-экспертных учреждений (СЭУ) и создания по инициативе председателя СК России А. И. Бастрыкина Международного союза криминалистов (2023 г.). В данном ведомстве, как нам представляется, заложены основы, причем с учетом опыта других стран, для формирования системы (именно системы) научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, включающей два взаимосвязанных взаимно научно обогащающихся, но совершенно разных по тактическим целям и решаемым задачам, методам, средствам и организационно-правовым формам их решения вида деятельности [2]:

- экспертно-криминалистической деятельности (ЭКД), в основе своей поисково-познавательной;
- экспертно-исследовательской или судебной экспертной деятельности (СЭД).

Принципиальное значение имеет тот факт, что в СК России, в отличие от МВД, эти направления деятельности организационно обособлены, что способствует предметной и более обстоятельной профессиональной подготовке и специалистов-криминалистов, и судебных экспертов, а как следствие, более результативной работе первых и эффективной деятельности вторых. Таким образом, в СК России заложены основы не только гораздо прогрессивной организации деятельности по указанным направлениям, но и перспективной с точки зрения формирования единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства и в целом разработки научно-технической политики борьбы с преступностью [3].

Важно понимать, что необходимость таких мер предопределяется не только угрожающим состоянием преступности, но и теми «ножницами», которые исторически сформировались в нашей стране между уровнем развития науки и техники, особенно в области информационных технологий, и состоянием организации предметного изучения их возможностей и последующего организационного обеспечения реализации в повседневной практике борьбы с преступностью. А это как раз то, что заслуживает более обстоятельного изучения и критического анализа.

История становления в нашей стране криминалистики как науки, призванной интегрировать достижения других наук и разрабатывать на их основе методы и средства раскрытия и расследования преступлений, полна фактами, последствия которых до сих пор негативно сказываются на развитии как ЭКД, так и СЭД, а соответственно, на перспективах формирования единой государственной системы научно-технического обеспечения деятельности органов следствия и дознания, причем вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Такие проблемы просто нерешаемы с позиции узковедомственных, к тому же противо-

речивых подходов и корпоративных интересов, которые исторически сложились и до сих пор являются предметом длительных и бесплодных дискуссий, порой по искусственно обозначаемым проблемам указанных видов деятельности.

Впрочем, подробнее об этом далее, поскольку невозможно себе даже представить научно-техническое обеспечение раскрытия и расследования тяжких и особо опасных преступлений следователями СК России вне общей системы научно-технического или технико-криминалистического обеспечения деятельности всех иных правоохранительных органов. Особое место в их системе занимают органы внутренних дел МВД России, которые призваны первыми реагировать на сообщения о преступлениях вне зависимости от их вида и степени общественной опасности. Дежурный по ОВД обязан организовать выезд следственно-оперативной группы, включая специалиста-криминалиста, на осмотр места происшествия. Результаты участия последнего в деятельности по обнаружению, изъятию и предварительному исследованию материальных следов преступления – источников розыскной и доказательственной (криминалистически значимой) информации во многом определяют в дальнейшем успешное расследование преступлений безотносительно к их подследственности.

В криминалистике деятельность таких специалистов рассматривается в контексте технико-криминалистического обеспечения в целом работы правоохранительных органов, под которым понимается система действий, направленных на формирование условий их постоянной готовности к эффективному применению научно-технических методов и средств в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений [4].

Формирование подобных условий, естественно, предполагает комплексное решение взаимосвязанных проблем организационного, правового, кадрового, технического, научно-методического характера. Содержательно они реализуются в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений в порядке упоминавшихся ЭКД и СЭД, причем осуществляемых, соответственно, в МВД и Минюсте, что не лучшим образом сказывается на решении научно-методических, организационных, правовых проблем этих видов деятельности. Достаточно того, что до сих пор межведомственно не согласована классификация судебных экспертиз, не рассматриваются проблемы стандартизации их методик, с 2013 г. безуспешно обсуждается на многочисленных научно-практических мероприятиях, в том числе на уровне комитетов Государственной Думы РФ, проект нового федерального закона о СЭД, но так и остается проектом.

Аналогичное положение дел и с ЭКД. Прошло уже более 12 лет после принятия Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», которым в перечне основных направлений ее деятельности (п. 12 ч. 2 ст. 2) указано «осуществление экспертно-криминалистической деятельности», но до настоящего времени научно не определены понятие, содержание, задачи этой деятельности, правовое значение ее результатов и соотношений с СЭД.

Наивно полагать, что с решением упомянутых и им подобных отдельно взятых проблем что-то изменится в лучшую сторону в результативности и эффективности как ЭКД, так и СЭД. Их современное состояние, как отмечалось, исторически сложилось в условиях до сих пор нерешенных межведомственных противоречий [5]. Следовательно, сегодня более чем очевидна необходимость

коренной реорганизации всей системы научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию всех видов преступлений, а прежде всего особо опасных и тяжких, к которым относятся преступления экстремистской направленности, включая терроризм.

Эти преступления, особенно совершаемые с применением оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ, характеризуются оставлением на месте происшествия огромного количества разнообразных по природе и механизму образования следов, сбориание которых (обнаружение, фиксация, изъятие, предварительное исследование – экспресс-анализ) диктует необходимость универсальной, комплексной, профессиональной подготовки специалистов-криминалистов, приглашаемых для участия в осмотре места происшествия по таким преступлениям.

Сохраняющееся до сих пор мнение в кругу некоторых ученых, в основном судебных экспертов, что лучше эксперта задачи специалиста-криминалиста на месте происшествия никто не решит, всего лишь наивная переоценка возможностей судебных экспертов, деятельность которых во всех ведомствах организована на основе их узкой специализации по видам экспертиз. Но несложно представить, как на месте происшествия даже по обыденной квартирной краже сработает эксперт-почерковед или эксперт-физик, химик, не говоря уже о преступлениях, связанных с применением оружия, взрывных устройств, или высокотехнологичных преступлениях, в том числе в сфере компьютерной информации.

В настоящее время, мы убеждены, исследование места происшествия, а именно так характеризуется данное следственное действие в криминалистике, с учетом особенностей решаемых при этом задач и их значения для раскрытия и расследования преступлений представляет собой самую массовую и исключительно сложную по содержанию «экспертизу». Она характеризуется поиском множества изначально неизвестных, разнообразных по природе и механизму образования материальных следов преступления, установлением факта их причинной связи с событием преступления, наконец, выявлением в следах признаков, индивидуализирующих лицо, его совершившее, и диагностирующих использованные им средства, методы и способы действий [6].

Иначе говоря, специалисты-криминалисты в их общей массе должны иметь универсальную, комплексную, профессиональную подготовку, обладать навыками работы в полевых условиях с различными следами преступлений. Положение в этом отношении заметно осложнилось в последние десятилетия в связи с всеобщей цифровизацией общественных и экономико-правовых отношений, а как следствие, с взрывообразным ростом так называемых высокотехнологичных преступлений, в том числе экстремистской и террористической направленности.

Такие преступления характеризуются исключительным разнообразием следов, чем обусловлена необходимость комиссионного участия специалистов в осмотре связанных с ними мест происшествий. При этом первоочередная задача заключается в обеспечении гарантий безопасности членов следственно-оперативной группы и посторонних граждан, для решения которой привлекаются специалисты-взрывотехники с опытом работы сапером. Однако они действу-

ют непременно во взаимодействии со специалистами-криминалистами, гарантируя сохранность следов преступления при обезвреживании места происшествия от невзорвавшихся взрывных устройств, иногда умышленно оставленных преступниками в виде скрытых закладок. Совместно осуществляется предварительная оценка обстоятельств взрыва, конструктивных особенностей взрывного устройства, его мощности, способа сокрытия и приведения в действие.

Обратим внимание, что специалистов-саперов в ныне действующих экспертно-криминалистических подразделениях (ЭКП) системы МВД России нет, тем более их нет в СЭУ, как государственных, так и частных. На практике для участия в осмотре мест происшествий по преступлениям, связанным со взрывами, приглашаются специалисты-саперы из воинских частей, подразделений ОМОНа, в настоящее время находящихся в ведении Росгвардии.

Совершение тяжких и особо опасных преступлений часто сопряжено с гибелью или ранением людей, соответственно, их расследование, начиная с осмотра места происшествия, предполагает участие специалистов-медиков, т. е. экспертов судебно-медицинских бюро Минздрава России, профессиональной подготовке которых, судя по программе обучения в ординатуре, уделяется серьезное внимание, в том числе особенностям их деятельности в полевых условиях. Кстати, все судебные эксперты-медики, в отличие от экспертов-криминалистов системы МВД России, имеют базовое специальное (медицинское) образование [7; 8; 3].

Вопрос о компетентности и профессионализме экспертов-криминалистов системы МВД России резко актуализировался с конца прошлого столетия, когда в нашей стране происходили крайне негативные количественные и качественные изменения преступности, соответственно, кратно увеличилась штатная численность ЭКП ОВД. В 1964 г. она составляла 330 единиц [9], а к началу 90-х гг. увеличилась еще в СССР до 6 тыс. человек; сейчас только в России их насчитывается около 18 тыс. С этим связано кампанейское решение вопроса о замещении вновь появляющихся штатных единиц; на службу в ЭКП ОВД в массовом порядке принимались лица, не имеющие юридического образования и системной криминалистической подготовки.

Сегодня они составляют более половины сотрудников ЭКП ОВД. Справедливости ради заметим: в их числе есть великолепные эксперты, освоившие методики исследования определенных объектов, но к поисково-познавательной деятельности на месте происшествия абсолютное большинство из них ни психологически, ни профессионально не готово. Однако они включаются в график дежурства ЭКП ОВД и при необходимости выезжают на осмотры мест происшествий вне зависимости от вида преступлений.

Фактически система ЭКП ОВД в нашей стране развивалась экстенсивно, т. е. расширялась по территории их сеть, увеличивались штаты, но фактически неизменной оставалась и остается организация и правовая регламентация их деятельности, причем с начала XX в. Как и в регистрационных бюро полиции Российской империи, организованных в 1908 г., в них совмещены в одном лице функции специалиста и эксперта-криминалиста, что крайне отрицательно влияет на результативность их деятельности в статусе первых и на производительность труда в качестве вторых.

Начиная с 90-х гг. прошлого века коэффициент результативности деятельности экспертов ЭКП ОВД на местах происшествий в качестве специалистов остается на уровне единицы, т. е. ими обнаруживается и изымается один какой-либо след (пальцев рук, обуви, орудий взлома и т. п.) [8]. И это при том, что ретроспективным анализом результативности осмотров мест происшествий с опросом лиц, совершивших преступления, установлено, что ими оставлялось три-четыре зрительно воспринимаемых следа, которые тем не менее при осмотре не были обнаружены. Осознавая критичность такого положения, руководство ЭКЦ МВД России пыталось мерами дисциплинарного воздействия повысить результативность работы специалистов-криминалистов на местах происшествий, в приказном порядке обязывая их изымать большее количество следов. Но в результате таких по существу формальных мер резко увеличилось количество фактов, когда ими изымались следы, не имевшие причинно-следственной связи с событием преступления. Более того, отмечались случаи, когда они сами оставляли, например, следы обуви, пальцев и ладоней рук и изымали их «для отчета», тем самым загружая процесс расследования совершенно бесполезной работой [10].

И это тоже результат привычного отношения к исторически сформировавшимся проблемам, которые по вышеуказанной причине перестают быть проблемами (100 лет так работали, и ничего?). Между тем необходимо, наконец, осознать, что в борьбе с преступностью XXI в. современные достижения науки и техники невозможно успешно использовать в организационно-правовых формах начала XIX в. [11]

Такое общее оценочное суждение наглядно и убедительно подтверждается практикой раскрытия и расследования тяжких и особо опасных преступлений. Возможно, поэтому на данную проблему, как отмечалось выше, по-новому посмотрели и решили в СК России, организационно разграничив деятельность следователей-криминалистов и судебных экспертов. Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает организация деятельности следователей-криминалистов, тем более если учесть территориальные особенности нашей страны и разброса по ее регионам (районам) правоохранительных органов и «неожиданно» проявившийся процесс всеобщей цифровизации общественных и экономико-правовых отношений, а под стать ему повсеместное распространение информационно-компьютерных или так называемых высокотехнологичных преступлений. Осмотр и изъятие используемой преступниками компьютерной (электронной) техники предполагают обязательное участие соответствующих специалистов.

В настоящее время специалисты-криминалисты ЭКП ОВД в большинстве своем, о чем свидетельствуют результаты их опроса, не готовы к такой деятельности. К тому же они имеются в штатах лишь одного из трех ОВД. Надеяться на очередную «штатную инъекцию» в современных условиях бесполезно [12].

Важно понимать, что работа с материальной обстановкой мест происшествий не менее сложна, чем производство экспертиз, а значит, готовить сотрудников к ее осуществлению следует столь же тщательно, как и судебных экспертов. Это касается не только сотрудников ЭКП ОВД [8], но и следователей-криминалистов СК России, которые, судя по профессиональному стандарту

«Следователь-криминалист» [11], должны обладать знаниями, умениями и навыками, необходимыми для производства предварительного расследования преступлений, выполнения отдельных функций процессуального контроля, а вместе с тем для самостоятельного квалифицированного технико-криминалистического сопровождения процесса расследования¹. Остается только пожелать, чтобы положения упомянутого профессионального стандарта нашли свою реализацию при подготовке и организации практической деятельности этих специалистов.

Очевидно, что изучения криминалистики при получении ими юридического образования и, соответственно, поверхностного ознакомления с азами технико-криминалистической деятельности недостаточно для работы с разнообразными по природе и механизму образования следами преступления. К тому же в настоящее время им приходится работать с многофункциональной по назначению и конструктивно более сложной техникой, профессиональное освоение которой возможно только в порядке целевой подготовки. Данное обстоятельство следует рассматривать как серьезный резерв улучшения профессиональной подготовки, а как следствие, повышения эффективности деятельности следователей-криминалистов.

Проблемы подготовки следователей-криминалистов в Московской и Санкт-Петербургской академиях СК России решаются в форме магистратуры, как правило, для лиц с юридическим образованием. При этом форма обучения по образовательной программе «Криминалистическое сопровождение предварительного расследования преступлений» заочная (2,5 года)².

Профессиональная переподготовка «Следователь-криминалист» осуществляется в нескольких юридических вузах страны. Срок обучения – 12 месяцев, длительность обучения экстерном может быть сокращена в два раза, форма обучения очно-заочная или заочная³. Содержательно указанные формы подготовки и переподготовки следователей-криминалистов, естественно, должны быть нацелены на углубленное изучение следственной практики с явно выраженным акцентом на проблемы ее технико-криминалистического сопровождения с соблюдением требований профессионального стандарта «Следователь-криминалист». Такая подготовка, по нашему мнению, предполагает не только освоение обучающимися глубоких профессионально значимых знаний, но и фор-

¹ Об утверждении профессионального стандарта «Следователь-криминалист» (с изм. и доп.): приказ Минтруда России от 23 марта 2015 г. № 183н // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70968812> (дата обращения: 06.11.2022).

² См.: Московская академия Следственного комитета. Магистратура. URL: <https://academy-skrf.ru/magistratura> (дата обращения: 15.09.2023); Санкт-Петербургская академия Следственного комитета. Образовательная программа (ООП) магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, направленность (профиль) подготовки – Криминалистическое сопровождение предварительного расследования. URL: <https://skspba.ru/wp-content/uploads/2020/07/оопmagoch18.pdf?ysclid=lnoo5s82as641394015> (дата обращения: 15.09.2023).

³ Институт профессионального образования. Учебный план. Программа профессиональной подготовки «Следователь-криминалист». URL: <https://ipo.msk.ru/content/edu-info-ipo/pp/uchebnyj-plan/uchebnyy-plan-sledovatel-kriminalist.pdf> (дата обращения: 15.09.2023).

мирование на их основе умений и навыков, т. е. обучение должно вестись в основном очно и исключительно профессионалами – реальными носителями соответствующих компетенций по работе со следами преступлений. Иначе говоря, занятия должны быть практико-ориентированными, а проводить их следует на криминалистических полигонах и в специализированных лабораториях.

Положительный в этом отношении опыт сформирован в вузах МВД России, в которых осуществляется переподготовка экспертов (специалистов) – криминалистов. Около половины общего учебного времени в них отведено на практические занятия на криминалистических полигонах с инсценировкой различных видов преступлений и оставленных при их совершении следов [13].

Важнейшим элементом общей системы научно-технического обеспечения раскрытия и расследования тяжких и особо опасных преступлений традиционно является судебная экспертиза. Следует заметить, что в условиях рыночных социально-экономических отношений ее роль, а как следствие, публичное признание ее возможностей заметно возросли. Более того, оставаясь организационно-правовой формой использования специальных знаний как в уголовном, так и гражданском судопроизводстве, она приобрела признаки политико-правовой формы. Имеются в виду факты назначения и производства судебных экспертиз при расследовании международных вооруженных конфликтов, террористических актов или разрешении межгосударственных экономических споров.

На основании вышеизложенного объективно возрастают требования к организации СЭД и профессиональной подготовке экспертов. Свидетельство тому – резолюция Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию «О судебной экспертной деятельности», положения которой имплементированы в законодательство всех бывших советских республик, в том числе Беларуси и Казахстана. В нашей стране, как отмечалось, проект соответствующего федерального закона разработан и обсужден в первом чтении в Государственной Думе еще в 2013 г., но до сих пор не принят, что само по себе является свидетельством серьезных упущений в государственной научно-технической политике в области уголовного судопроизводства [14].

Причины такого положения исторически сформировались при зарождении ЭКД и СЭД, но особенно выразительно проявились в конце 50-х – 60-е гг., причем в условиях идеологизированной кампании «борьбы с культом личности и преодоления его последствий». Именно тогда судебная экспертиза фактически была противопоставлена всей на тот момент успешно действующей в нашей стране системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, основу которого составляли научно-технические отделы (НТО) милиции.

Обвиненные в грубых нарушениях «социалистической законности» и даже в репрессиях 30-х гг., эти отделы фактически были расформированы. Никто и думать не смел, тем более говорить, что репрессии осуществлялись по признакам социального положения в отношении бывших царских офицеров, попов, кулаков и т. д. А для их выявления и установления «вины» не требовались ни эксперты, ни экспертизы¹.

¹ См.: Аргументы и факты. 2017. № 39.

Обратим внимание, что именно тогда и в тех условиях было положено начало выделению из криминалистики судебной экспертизы в качестве самостоятельной науки. Признавая, что интеграция и дифференциация научных знаний – одна из диалектически проявляющихся закономерностей развития науки, тем не менее заметим, что, судя по всему, «дифференциаторы от судебной экспертизы» не учитывали особенности такого процесса в сфере прикладных наук, к которым относится криминалистика. При этом не только «рвались» накопленные в ней знания, но и разрушались традиционные исторически сформировавшиеся организационные связи в системе «следователь – оперативник – специалист – эксперт». Наглядной иллюстрацией упомянутого положения явилось дополнение к ст. 67 УПК РСФСР (п. 3-а), запрещавшее назначать экспертизы лицам, принимавшим участие по тому же делу в осмотре места происшествия [15].

В ныне действующем УПК РФ данного предписания нет, более того, законодательно определена возможность назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, что, естественно, предполагает осмотр места происшествия, а по существу – одно из наглядных свидетельств того, что после обособления от криминалистики судебная экспертиза стала абсолютизироваться, стараясь фактически подменить все, что традиционно относится к ЭКД. Недвусмысленные попытки теоретически обосновать ее особое в данном отношении положение проявляются, например, в признании Е. Р. Россинской, что, несмотря на отпочкование судебной экспертизы от криминалистики, «их предметы перекрываются». Следовательно, «только в рамках экспертологии возможна разработка единых подходов к получению доказательственной информации с использованием специальных знаний» [16]. Вот так – не в криминалистике и не в уголовно-процессуальной науке определяются такие «подходы», а в экспертологии.

Не менее парадоксальная ситуация сложилась в толковании вопроса о процессуальной независимости судебного эксперта, которая определяется с акцентом на его ведомственной принадлежности (ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Опять же наглядно проявляется корпоративный интерес судебных экспертов: чтобы расширить масштабы собственной частно-экспертной деятельности, ее следует ограничить у других. При этом откровенно игнорируется факт множества стадий уголовного процесса, каждая из которых характеризуется присущими ей задачами, а соответственно, разнообразием методов, средств, организационных форм их решения.

По этому поводу известный российский процессуалист И. Я. Фойницкий еще на рубеже XIX–XX вв. писал, что обременение формальностями на первоначальном этапе расследования «не только бесполезно, но и вредно для уголовного судопроизводства», тем более что на каждой последующей стадии уголовного процесса не только добываются новые доказательства, но и проверяются уже имеющиеся [17].

Между тем коммерциализация СЭД неизбежно ведет к ее криминализации, во всяком случае это относится к деятельности тех судебных экспертов, которые свою процессуальную независимость оценивают суммой гонорара за дан-

ное по заказу заключение, а по существу совершают преступления (ст. 307 УК РФ). Особое рвение в этом отношении проявляют частные эксперты так называемых независимых СЭУ.

Небезупречна и нуждается в упорядочении сложившаяся в нашей стране система подготовки и повышения квалификации судебных экспертов, причем как государственных, так и частных СЭУ. Прежде всего, вызывает ряд вопросов государственный образовательный стандарт по подготовке судебных экспертов, в котором фактически размыта грань между специальными и правовыми знаниями. В 2013 г. специальность 40.05.03 «Судебная экспертиза» явно с подачи интересантов судебно-экспертного сообщества была включена во вновь созданную укрупненную группу специальностей «Юриспруденция» наряду со специальностями 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» и 40.05.02 «Правоохранительная деятельность».

Можно было бы не обращать внимание на то, что это несравнимые по объему, значимости и правовому содержанию виды деятельности, но в соответствии с приказом Минобрнауки от 31 августа 2020 г. № 1136 юридическая составляющая профессиональной подготовки в этой группе специальностей, в том числе судебных экспертов, увеличивается с 50 до 75–85 %. Правда, следователям, назначающим экспертизы, необходимы не «вообще» судебные эксперты, тем более с правовой подготовкой, а специалисты в конкретной области, как правило, естественно-технических знаний и с соответствующим опытом практической деятельности.

В советский период практиковалась, несомненно, более рациональная и не столь затратная система формирования судебно-экспертных кадров. По мере необходимости подбирались специалист с требуемым базовым образованием и направлялся на краткосрочные курсы судебных экспертов, окончание которых подтверждалось свидетельством о праве производства определенного вида экспертиз. В настоящее время показательна в этом отношении система подготовки судебно-медицинских экспертов в Минздраве России в форме ординатуры после получения высшего медицинского образования¹.

Не лишена недостатков система повышения квалификации судебных экспертов, причем не только частных, но и государственных СЭУ. Согласно действующим правилам судебный эксперт обязан раз в пять лет представлять в экспертно-квалификационную комиссию по пять заключений по каждому из видов (родов) проведенных им экспертиз, по которым он аттестуется. Он сам выбирает, какие заключения направлять, естественно, предварительно корректируя их. По таким заключениям можно оценить разве что качество их оформления, но не достоверность и обоснованность выводов. В конечном итоге создается видимость контроля и благополучия.

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 31.08.10 Судебно-медицинская экспертиза (уровень подготовки кадров высшей квалификации): приказ Минобрнауки России от 25 августа 2014 г. № 1052; зарег. в Минюсте России 27 октября 2014 г. № 34460 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70784630/?ysclid=ltoe58zhfm854561218> (дата обращения: 12.01.2024).

Более действенной в этом отношении нам представляется практикуемая в ряде зарубежных стран система реестра экспертов по профилю их знаний и текущего учета результатов практической деятельности с немедленным реагированием на факты ошибочных либо ложных заключений (от временного лишения лицензии на производство экспертиз до уголовной ответственности).

Попытки решения названных в данной статье проблем разрозненны, особенно с позиции узковедомственных или корпоративных интересов, и заведомо обречены на неудачу. В настоящее время как никогда очевидна необходимость коренной реорганизации всей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, причем с ориентацией на возможности современных достижений науки и техники, исходя из соответствующих им принципов. Основные из них:

- законность – соблюдение законом определенного порядка применения технических средств при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений;
- прагматизм – ориентация на решение реально возникающих и поэтапно проявляющихся задач практики раскрытия и расследования преступлений;
- экономичность – системно осмысленное решение вопросов о территориальном размещении ЭКП и СЭУ и их оснащение современной поисковой и исследовательской техникой;
- рационализм – исключение формального дублирования при исследовании доказательств, организация СЭУ на базе профильных вузов;
- эффективность – разработка и использование организационно-правовых форм исследования доказательств с учетом поставленного решения задачи в уголовном процессе;
- альтернативность – возможность повторного, в том числе иноведомственного, исследования доказательств, как средство, гарантирующего обоснованность и достоверность его результатов.

Как принципы следовало бы иметь в виду законодательное признание в качестве средства доказывания наряду с судебной экспертизой научно-технического исследования специалиста; межведомственную согласованность классификации судебных экспертиз и стандартизацию их методик.

Список источников

1. Лунеев В. В. Социальные последствия и интегрированная цена преступности // Россия: уроки реформ: сб. науч. тр. Москва: ИМПЭ, 2008. С. 21–28.
2. Волынский А. Ф. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 18–20.
3. Волынский А. Ф. Судебная экспертиза в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства: история и современность // Технокриминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., проводимой в рамках деловой программы междунар. выставки средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех – 2022» (Москва, 2022). Москва: МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2022. С. 56–61.
4. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики // Материалы межвузовской научно-практической конференции. Ч. 2. Москва: Академия управления МВД России, 2009. С. 64–69.

5. Волинский А. Ф. Научно-техническое обеспечение судопроизводства: привычные проблемы требуют неординарных решений // Материалы научно-практической конференции, май 2023 г. Москва: Академия управления МВД России, 2023.
6. Волинский А. Ф. Криминалистическая служба МВД России: былое, настоящее, будущее // Вестник МВД России. 2009. № 3. С. 80–85.
7. Хрусталева В. Н. Как обеспечить достоверность доказательств, получаемых экспертным путем // Судебная экспертиза. 2016. Вып. 3 (47). С. 156–171.
8. Хрусталева В. Н. Беспрепятственное использование специальных знаний – обязательное условие противодействия особо опасным преступлениям в условиях цифровизации и информатизации общества и государства // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1. С. 87–94.
9. Скорченко П. Т. Экспертно-криминалистическая служба органов внутренних дел: как она стала самостоятельной, как укреплялась и почему так называется // 85 лет экспертно-криминалистической службе органов внутренних дел России. Москва: ЭКЦ МВД России, 2004.
10. Волинский А. Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.
11. Хрусталева В. Н. Эффективность работы сотрудников ЭКП ОВД страны в качестве специалистов-криминалистов на местах происшествий недопустимо низка: кто виноват и что делать? // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., проводимой в рамках деловой прогр. междунар. выст. средств обеспечения безопасности гос-ва «Интерполитех – 2022» (Москва, 2022). Москва: МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2022. С. 242–251.
12. Экспертно-криминалистическая деятельность и компьютерная криминалистика: отчет о результатах межвуз. (межведомств.) науч. исслед. Москва: МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя: Моск. акад. СК России, 2021.
13. Хрусталева В. Н. Подготовка специалистов к работе с материальной обстановкой мест происшествий: проблемы и пути их решения // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., 19 октября 2016 г. Москва: Интерполитех, 2016. С. 166–169.
14. Волинский А. Ф. Судебная экспертиза перед «судом истории» (заключение специалиста) // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 26–36.
15. Волинский А. Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (43). С. 175–185.
16. Россинская Е. Р. Воплощение идей Р. С. Белкина в современной теории и практике судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 3. С. 54–61.
17. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 2-е изд. Т. 2. Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1899. 608 с.

References

1. Luneev V. B. Social consequences and integrated price of crime. In: Russia: reform lessons: collection of scientific works. Moscow: IMPE; 2008: 21–28. (In Russ.).

2. Volynskiy A. F. Forensic and technical-forensic activities: general and particular. Forensic expert, 18–20, 2013. (In Russ.).

3. Volynskiy A. F. Forensic examination in the system of scientific and technical support of criminal proceedings: history and present. In: Technical forensic support for crime detection and investigation: collection of scientific works of the All-Russian scientific and practical conference held within the framework of the business program International exhibitions of state security tools "Interpolitech – 2022" (Moscow, 2022). Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022: 56–61. (In Russ.).

4. Volynskiy A. F. Forensic disclosure and investigation of crimes as a form of implementation of social features of criminalistics. In: Materials of the inter-university scientific and practical conference. Pt. 2. Moscow: Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs; 2009: 64–69. (In Russ.).

5. Volynskiy A. F. Scientific and technical support of court proceedings: usual problems require extraordinary solutions. In: Materials of scientific and practical conference, May 2023. Moscow: Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs; 2023. (In Russ.).

6. Volynskiy A. F. Criminal service of the Russian Ministry of Internal Affairs: past, present, future. Bulletin of the MIA of Russia, 80–85, 2009. (In Russ.).

7. Khrustalev V. N. How to ensure the reliability of evidence obtained by the expert. Forensic Examination, 156–171, 2016. (In Russ.).

8. Khrustalev V. N. Unhindered use of expertise – a prerequisite for combating particularly dangerous crimes in the context of digitalization and informatization of society and the State. The Rule-of-Law State: theory and practice, 87–94, 2023. (In Russ.).

9. Scorchenko P. T. Forensic service of Internal Affairs Agencies: how it became independent, how it strengthened and why so called. In: 85 years as an expert forensic service of Russian Internal Affairs Agencies. Moscow: Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2004. (In Russ.).

10. Volynskiy A. F. Towards the centennial of the Forensic service of the Russian Ministry of Internal Affairs. Works of the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, 90–100, 2019. (In Russ.).

11. Khrustalev V. N. The effectiveness of the country's ECP officers as forensic specialists on the crime scenes is unacceptably low: who is to blame and what to do? In: Technical forensic support for crime detection and investigation: collection of scientific works of the All-Russian scientific and practical conference held within the framework of the business program International exhibitions of state security tools "Interpolitech – 2022" (Moscow, 2022). Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022: 242–251. (In Russ.).

12. Forensic activities and computer forensics: report on the results of inter-university (interdepartmental) research. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia; 2021. (In Russ.).

13. Khrustalev V. N. Training of specialists to work with the material conditions of the accident sites: challenges and solutions. In: Technical forensic support for crime detection and investigation: collection of materials VI International scientific and practical conference, 19 October 2016. Moscow: Interpolitech; 2016: 166–169. (In Russ.).

14. Volynskiy A. F. Forensic examination before "court of history" (expert opinion). Forensic examination and research, 26–36, 2022. (In Russ.).

15. Volynskiy A. F. Subject of criminalistics and "scientific separatism": consequences and possibilities of overcoming them. Works of the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, 175–185, 2018. (In Russ.).

16. Rossinskaya E. R. Embodiment of the ideas of R. S. Belkin in the modern theory and practice of forensic examination. Forensic theory and practice, 54–61, 2017. (In Russ.).

17. Foynitsky I. Ya. Criminal procedure course. 2nd ed. Vol. 2. Saint Petersburg: Senate printing office; 1899: 608. (In Russ.).

Волынский Александр Фомич,

профессор кафедры криминалистики
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ;
svetzhavoron@yandex.ru

Хрусталеv Виталий Николаевич,

главный научный сотрудник центра правовой экспертизы
Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор; Khrustaluov@yandex.ru

Volynsky Alexander Fomich,

professor of the department of criminology
of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation,
honored lawyer of the Russian Federation; svetzhavoron@yandex.ru

Khrystalev Vitaliy Nikolaevich,

chief researcher of the center for legal expertise
of the Kutafin Moscow State Law University,
doctor of juridical sciences, professor; Khrustaluov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 24.01.2024; принята к публикации 25.01.2024.

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 24.01.2024; accepted for publication 25.01.2024.

* * *